

«ЗАГЛЯНУТЬ В ДРУГОЙ ВЕК»

Вечерний Уф.
Г. Уфа

17.6.1978
1000

К сожалению, я не видел народную артистку БАССР Дилю Рахимовну Даутову на сцене. Когда она попрощалась с Башкирским ордена Трудового Красного Знамени академическим театром драмы имени Мажита Гафури, верой и правдой прослужив ему сорок лет, я только начинал ходить под стол пешком. Но я был знаком с ней по фотографиям из спектаклей, по публикациям, статьям театральных критиков, по отзывам зрителей, в том числе и своей мамы. И, конечно же, не мог не узнать ее, когда перешагнул порог гостеприимного дома Даутовой. Все та же широкая улыбка, характерный изящный наклон головы, все те же радостные глаза...

Мы сели за стол. Но она тут же встала. «Нет, так не пойдет. Сначала выпьем чаю». За чашкой горячего ароматного чая и начался наш разговор.

— Путают иногда год моего рождения, путают. С восьмого я года, с восьмого. Времени-то сколько прошло, не мудрено и ошибиться. На приске золстопрмышленника Гадельши Рамиева, так, кстати, и деревня называлась, и родилась. Пытая счастья, родители переехали на присек Балкан, но и он ведь тоже рамиевский. Так и бедовали. Двенадцать детей в семье было. Отец в шахте, а мама, сестры, потом и я белье стирали, полы мыли, коров доили у хозяина. Пришла революция, кругом неспокойно — то один у власти, то другие. Подались в свой край, в деревню Темясово. Но и деревня не спасла. Страшный голод 1921 года унес отца, из двенадцати детей осталось четверо... В Темясово я впервые и сыграла в любительском театре педтехникума, где мы с мамой мыли полы. В 1924 году мама с детьми снова переехала на балканский присек, а меня взяла к себе сестра из Троицка и устроила в городской театр.

Недавно только родившийся Башкирский государственный театр собирал отовсюду народные таланты. Через артиста Хакима Мансуровского, побывавшего в Троицке, узнал о молоденькой актрисе и Вали Муртазин-Иманский. Написал письмо, пригласил в Уфу.

— А как я поеду? Ни денег, ни одежды... Да и девчонка совсем еще была. Об этом и написала Муртазину.

Через Башнаркомпрос Муртазин прислал 45 рублей.

Сестра сшила из одеяла пальто. Завязала в узелок небогатые пожитки и проводила в путь. Театр, существовавший в те годы как передвижной, Диля нашла на станции Мурсалимово Дуванского района.

— Муртазин меня прослушал. Я спела, станцевала. С этого дня и стала членом Башкирского государственного передвижного театра. Двадцать пятый год это был. Мне повезло, моими коллегами и учителями стали такие выдающиеся артисты, как Г. Мингажев, Х. Ибрагимов, Т. Ушапов, М. Иманская, Н. Сакаев. Сразу начала играть в «Ашқадаге», «Карагуле», в «Ыйыккай и Юлдыкае». Часто наш театр был для крестьян единственной вестью из далекого мира, связующей нитью с ним. Впереди театра шел лектор, пропагандист (одним из них был будущий муж актрисы — А. Г.). Играли часто прямо на улице.

Был у нас электрический движок, который работал от руки. Выбежишь за кулисы, отыграв свой эпизод, — и за ручку этой машины, освобождая того, кому выходить сейчас на сцену. Тогда, кстати, в театре у каждого актера были определенные обязанности. Мингажева и я — стирали костюмы, Карамышев — отвечал за лампы и свет, кто-то, сейчас не помню, — за оборудование сцены. И костюмы сами шили.

Не отставая театра, Диля Рахимовна закончила техникум искусств. Вышла замуж, стала мамой. Хватало ее и на общественную работу, ведь она избиралась депутатом Уфимского горсовета. От роли к роли росло мастерство, обогащалась галерея актерских образов. Только казалось, начала налаживаться жизнь, как пришла беда, умер муж...

Началась война. В 1941 году Диля Рахимовна вступает в партию.

— Играли больше в госпиталях, а не в театре. По тринадцать — четырнадцать, а то и больше концертов давали в день. Выступаем где-нибудь в кабинете главврача или в конце коридорчика, если он свободен. Перед нами только ходячие бойцы. Услышат же лежание и кричат, зовут нас. Идешь в палату, проход между койками с полметра, а ты пляшешь, поешь. Душа плачет, а сама поешь какую-нибудь развеселую «Черемушку». А после бежишь стирать белье солдатское в крови, ко-

поту, грязи. И опять мешаешь слезы с водой.

После войны боль и радость трудных лет нашли воплощение в новых ярких ролях. Даутова становится одной из ведущих актрис театра, в 1957 году ей присвоено звание народной артистки БАССР. О широте ее актерского диапазона говорят такие образы, как Танхылу в «Ашқадаге», Шаура и Тансулпан в «Карагуле», Бибихатя («Седые волосы матери»), Иркабика («Похищение девушки»), бабушка Бадига («Галиябану»), Самига («Зятек») — более сотни ролей в театре имени Мажита Гафури. Если в одном спектакле ее видели жизнерадостной веселой девушкой, то в другом она уже представляла перед зрителем женщиной на склоне лет, или мальчишкой-пионером... Образы трагедийные сменялись полными юмора, лирические — сатирическими. В ее репертуаре — роли в пьесах башкирских, советских, зарубежных драматургов, классика и современности.

В скромном, цвета топленого масла серванте Диля Рахимовна бережно хранит реликвии, по которым можно проследить основные вехи ее актерской биографии.

— Это все мое богатство, хрустали и фарфора нет. Музей своеобразный или выставка, — улыбается Диля Рахимовна, — все это подарено друзьями, зрителями, детьми.

Подолгу я слушал актрису, которую по праву можно назвать одним из основателей театра имени Мажита Гафури, слушал ее рассказ о сыгранных ролях, друзьях по сцене, гастроллях.

— Вот сейчас бы самое время работать! — сказала на прощание Диля Рахимовна. — Так похорошел театр, столько прекрасных молодых актеров в нем. Не нарадуюсь, когда бываю там. Завидная у нас старость, а вот нет же, так и хочется в другой век заглянуть!

О многом было говорено, но осталось чувство, что далеко не обо всем. И я ищу повод снова заглянуть в этот гостеприимный дом, встретиться с доброй и мудрой женщиной, которую, к сожалению, я никогда не видел на сцене, но роли которой до сих пор в памяти многих любителей театра.

А. ГАЗИЗОВ,
внештатный корреспондент «Вечерней Уфы».